

Что пишу? Что чи

Подмосковная фантазия

В. Астафьеву

Ворон над Переделкином черную глотку рвет.
Он, как персонаж из песенки, над головой кружится.
Я клювом назвать не осмеливаюсь
его вдохновенный рот,
складками обрамленный скорбными, как у провидца.

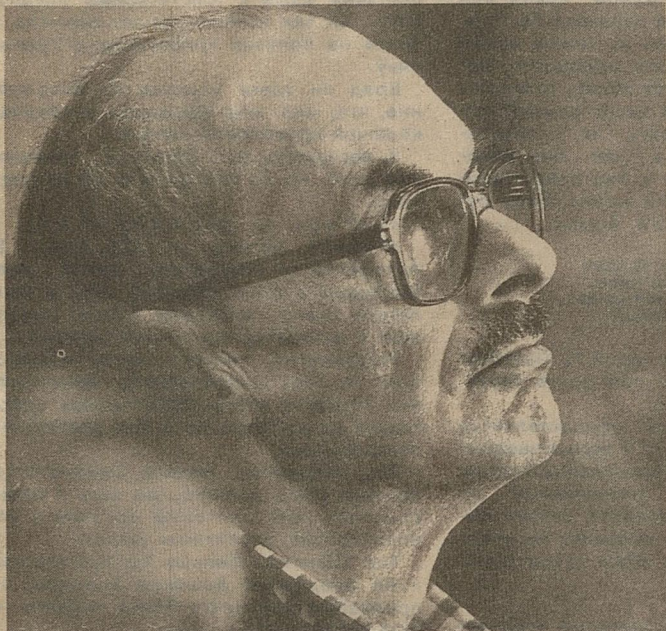
И видя глаз прозорливый и слушая речи его,
исполненные предчувствий, отчаяния и желчи,
я птицей назвать не осмеливаюсь крылатое существо:
как будто оно обвиняет, а мне оправдаться нечем.

Когда бы я был поэтом — я бы нашел слова
точные и единственные, не мучаясь, не морочась,
соответствующие склонностям этого существа
и скромным моим представлениям
о силе его пророчеств.

Но я всего стихотворец: так создан и так живу
в пристрастии к строчке и рифме,
в безумии этом нелепом,
и вижу крылья, присущие этому существу,
но не пойму души его, ниспосланной ему небом.

Я выгляжу праздным и временным
в застывших его глазах,
когда он белое облако рассекает крылом небрежным.
Я здесь прозябаю, в малиннике, —
он царствует в небесах,
и в этом его преимущество передо мною, грешным.

Ворон над Переделкином черную глотку рвет,
что-то он все пророчит мне будто бы ненароком,
и, судя по интонациям, он знает все наперед...
Но тут уж мое преимущество перед лесным пророком.

Булат ОКУДЖАВА:

— Сажу в Переделкине. Потихонечку работаю. Пытаюсь писать роман. Увлечен. Что получится — не знаю, а потому говорить о нем рано. Скажу только, что роман автобиографический и называться будет «Упраздненный театр». Пишутся в Переделкине и стихи. Из того, что сделал в минувшем году, многое раздал по журналам — в «Дружбу народов», «Знамя». Среди них и эта «Подмосковная фантазия». Я прочитал эссе Виктора Астафьева о музыке Георгия Свиридова, и оказалось, что мы одинаково относимся к великой тайне творчества. И мне захотелось посвятить писателю одно из своих новых стихотворений, в котором размышляю о таинстве литературного ремесла.

С большим удовольствием читаю журнал «Страна и мир», который издается нашими соотечественниками в Мюнхене. Журнал политический. Я не знаю пока у нас журнала, который делался бы на таком же уровне. Говорят, что с этого года он будет продаваться здесь. Я рад этому обстоятельству.

Недавно с восхищением перечитал двухтомную «Семейную хронику Зерновых». Документальное повествование, без претензий на художественность, передавшее трагическую, высокодуховную и поучительную историю трех поколений одной московской семьи, семьи благородных интеллигентов — с начала века и до 60-х годов. Главная часть воспоминаний — обстоятельное, подробное описание отступления с белой армией и жизнь в эмиграции, участие в Сопротивлении во время второй мировой войны. Двухтомник вышел в «ИМКА-пресс». Хочется верить, что эта прекрасная книга станет достоянием и наших читателей. Из только что с интересом прочитанного назову еще рассказы В. Шугаева «Русская Венера».

Воспользовавшись случаем, хочу заметить, что в некоторых органах печати в последнее время, как я наблюдаю, стали поругивать «шестидесятников». Говорят: ну что они, собственно, сделали? Ну, собирались на кухнях, шепта-

лись, ну, не стучали... А что еще? На вечере Василия Аксенова в Центральном Доме литераторов собралось немало «шестидесятников», выступали Ахмадулина, Битов, Виктор Ерофеев, Евгений Попов, Рейн... Ну что они тогда делали? Они, конечно, не революционеры — бомб не бросали, на баррикады не выходили, может быть, только шептались... Но этот шепот постепенно распространялся в читающем обществе, и люди начинали задумываться о себе и об окружающем мире. Я думаю: почему с такой злостью, с таким ожесточением о них сегодня некоторые говорят, как будто они задолжали минимум сто рублей. Конечно, они пытались всего лишь очеловечить эту страшную систему, придать ее лицу более гуманное, человеческое выражение, а систему надо было разрушить. Но это пусть и делают нынешние «восьмидесятники». Зачем же ругаться-то?